

АГИОГРАФИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

УДК 82.091

ЧЕРТЫ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА В ЖИЗНЕОПИСАНИИ АЛЕКСАНДРА (ПЛУТАРХ «СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ»)

В. В. Малащенко¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 09.10.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-2

Рассматриваются отдельные черты агιογραφического жанра в жизнеописании Александра из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. При помощи реверсивного, компаративистского и структурно-семантического методов анализируется структура биографии Александра Македонского, образ главного героя, образ нарратора, ирреальность и обожествление героя. Прослеживается определенная типологическая конвергенция между жанром жития-биос и жанром античной биографии Плутарха, что отражено в первую очередь в структуре биографии Александра, которая строится по определенной модели, сюжетной схеме-шаблону, включающей происхождение, детство, воспитание, юность, зрелость, славные деяния, прижизненное обожествление и смерть героя. Корреляция двух жанровых форм позволила также выявить и исследовать такие аспекты, как специфику создания Плутархом биографического образа главного героя, вопрос судьбы человека, его предназначенности и свободы выбора, закрепленных и видоизмененных впоследствии в жанре жития; общность и отличие повествовательных стратегий, поскольку повествующая инстанция (недидеетический нарратор) в жанре агιογραφии явно соотносится с недидеетическим «множественным» нарратором биографии Плутарха. Устанавливается, что жанр античной биографии с его топосом частной жизни и развлекательно-назидательной функцией послужил субстратом жанра жития-биос.

Ключевые слова: Плутарх, Александр Македонский, биографический жанр, биография, агιοграфия, житие, жанр.

Генезис и онтология жанра жития уходят своими корнями в миф, сказания, легенды, исторические (Геродот, Фукидид) и биографические (Плутарх) жизнеописания Древней Греции, в пеан, риторический

¹ Статьи, составившие данный раздел, были представлены на Третьем Международном научном семинаре «Агиография в русском культурном пространстве. К 1030-летию Крещения Руси», состоявшемся в БФУ им. И. Канта 9–10 октября 2018 года. Подробнее о мероприятии см. в помещенном в этом же номере обзоре Л.Г. Дорощевой.

© Малащенко В. В., 2019

энкомий, панегирик, тренос; его следы можно отыскать в отдельных чертах эллинистического романа. Хронологически формирование самого агиографического жанра связано с первыми веками существования христианства, и почитание святых в православии постепенно становится важнейшей частью духовной жизни христианина. Однако «свой классический, канонизированный вид этот жанр получает в VI в.» (Попова, 1975, с. 218). Житийная литература в эпоху Средневековья — предпочитаемый вид историографии. Сам канон жития и способы изображения его героя закрепляются в Византии в VIII—XI веках. Как отмечает В. Живов, жития «составляют едва ли не самую обширную часть христианской литературы, со своими закономерностями развития, эволюцией структурных и содержательных параметров и т. д., и в этом плане являются предметом литературно-филологического рассмотрения» (Живов, 1994, с. 8—9).

На основе реверсивного, компаративистского и структурно-семантического методов мы ставим своей целью выявить и проследить черты агиографического жанра в жизнеописании Александра (Плутарх «Сравнительные жизнеописания», 105—115 годы н. э.) по четырем основным позициям: структура биографии Александра, образ главного героя, образ нарратора, ирреальность (чудеса) и наделение героя «святостью». В ходе анализа мы также обратим внимание на отличие отдельных аспектов биографического жанра от жанра агиографии.

Биографический жанр в древнегреческой литературе был достаточно широко представлен и до Плутарха. Он традиционно существовал в двух своих основных типологических разновидностях — *риторического энкомия* (сфера эпидейктического (торжественного) красноречия) и *гипомнематического (мемуарного) жанра* (биографии справочно-антикварного типа). «Главная функция жанра оставалась в принципе той же: это объясняющее, поясняющее описание — и в конечном счете также подведение под некую общую категорию! — личной формы существования, личного образа жизни, включение этого образа жизни в заранее наличную систему этико-характерологических или других координат» (Аверинцев, Почему Евангелия — не биографии?). В жанре античной биографии Плутарх считается классиком по праву. Он не только учитывал предшествующую традицию этого жанра, но и, как подчеркивает С. Аверинцев, создал «новый тип биографии — моралистико-психологический этюд. Он завоевал биографию для популярно-философской литературы, и это было *жанровой новацией*» (Аверинцев, 1973, с. 126). Назидательно-моралистический код биографий Плутарха и увлекательный сюжет — тоpos практически всех научно-критических работ по его творчеству. Именно этот аспект более всего сближает биографии Плутарха с агиографической дидактической моралистической традицией.

Структура биографии Александра у Плутарха. Биография Александра, как и биографии почти всех других героев «Сравнительных жизнеописаний», по форме строится по заданной схеме-шаблону — происхождение героя, детство, воспитание, юность, достижения и славные деяния, смерть.

Плутарх подчеркивает божественное происхождение героя: «Происхождение Александра не вызывает никаких споров: со стороны отца он вел свой род от Геракла через Карана, а со стороны матери — от Эака через Неоптолема (Плутарх, 1994, с. 116). Плутарх называет здесь «исторических» и мифологических прародителей Александра Македонского: Каран — легендарный основатель Македонского царства, Эак — Сын Зевса и речной нимфы Эгины, дед Ахилла, Неоптолем — сын Ахилла. Само рождение Александра сопровождалось различными знаменениями, что также свидетельствует о необычности этого героя. Плутарх, например, отмечает особое благоухание «изо рта и от всего тела» Александра (Плутарх, 1994, с. 117).

Структурно биография Александра Македонского во многих элементах схожа с каноническим *житием-биос*. В христианском житие-биос сюжет традиционен — происхождение героя от благочестивых родителей, его явная непохожесть и выделенность среди сверстников еще в детские годы, учение, отшельничество-монашество, преодоление различных искушений и т.д., в завершение — краткая похвала, то есть сам сюжет жития составлял духовный подвиг праведника. По мнению В.М. Живова, «житие святого — это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, типа его святости. Поэтому набор стандартных мотивов отражает прежде всего не литературные приемы построения биографии, а динамику спасения, того пути в Царствие Небесное, который проложен данным святым» (Живов, 1994, с. 10).

В биографии царя Александра прослеживаются определенные черты сходства с житием-биос, например заданная схема жизненного пути от рождения до смерти героя, присутствие рассказчика, наррация от 3-го лица, явная идеализация героя, описание его подвигов, всевозможные чудеса, знамения. Плутарх постепенно «разворачивает» перед читателем всю историю жизни своего героя в ее наиболее ярких проявлениях. В композиции биографии это закреплено Плутархом в последовательности глав, от 2-й по 76-ю включительно. При этом постоянно присутствует образ автора-нарратора, отбирающего и группирующего события в определенной последовательности. Время не пощадило биографию царя Александра, ее конец утрачен, что позволяет нам говорить о фактически «открытом» финале этого жизнеописания. Также отметим, что биография Александра является первой частью сравнительного жизнеописания «Александра и Цезаря», и 1-я глава-введение соотносится со структурой и с жизнью обоих героев, что неприемлемо в жанре агиографии, описывающей жизнь одного героя.

Образ главного героя. На протяжении всей биографии Плутарх подчеркивает избранность Александра, его человеческие достоинства — воздержанность, самоограничение, обходительность, заботу о родне и друзьях, самообладание, великодушие, щедрость, необыкновенную смелость, то есть все то, что часто определяет поведение героя житийной литературы. Например: «Если же доходило до дела, Александра не могли удержать, как это не раз бывало с другими полководцами, ни вино, ни сон, ни развлечения, ни женщины, ни занимательные зрелища. Об

этом свидетельствует вся его жизнь, которую, как коротка она ни была, он сумел заполнить многочисленными и великими подвигами» (Плутарх, 1994, с. 130). Еще один яркий пример мужества героя во время тяжелого похода Александра в Индию: «В боях Александр подвергал себя множеству опасностей и получил несколько тяжелых ранений, войско же его больше всего страдало от недостатка в съестных припасах и от скверного климата. Александр стремился дерзостью одолеть судьбу, а силу — мужеством, ибо он считал, что для смелых нет никакой преграды, а для трусов — никакой опоры (Плутарх, 1994, с. 153).

Как и в житийной литературе, в биографии Александра Плутарх неоднократно поднимает вопрос судьбы человека, его предназначенности и свободы выбора. «Если Александр ставил перед собой какую-либо цель, удержать его было невозможно. Ибо судьба, покровительствующая его устремлениям, делала его упрямым. Он не только ни разу не был побежден врагами, но даже оказывался сильнее пространства и времени; это поощряло его и без того пылкое честолюбие и увлекало на осуществление самых пылких замыслов» (Плутарх, 1994, с. 133). В биографии Плутарха, как и в агиографической литературе, можно заметить такую общую черту, как противостояние героев жизненным обстоятельствам и трудностям.

Плутарх в жизнеописаниях мастерски соединил назидательно-наставительные, педагогические и увлекательно-познавательные цели. При этом он остается объективным при изображении своего героя, показывает и отрицательные качества натуры Александра Македонского: «склонность к пьянству и вспыльчивость» (Плутарх, 1994, с. 118), «надменность и пренебрежение к законам» (Плутарх, 1994, с. 150).

Также Плутарх избирателен при описании жизни Александра, и не старается представить ее хронологически точно, во всех мельчайших деталях. Он сам говорит об этом в первой общей главе-введении жизнеописания Александра и Цезаря: «Мы пишем не историю, а жизнеописание, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека» (Плутарх, 1994, с. 116). Подобная избирательность присуща и жанру жития, в котором агиограф отбирает наиболее показательные, яркие периоды и примеры из жизни героя, «укладывающиеся» в жанровый канон жития-биос, опуская несущественные и неважные, выходящие за его рамки. Необходимо также учитывать и другую особенность. Не все этапы жизни царя Александра были известны Плутарху, точно так же, как не все этапы жизни святого знал агиограф. В свое время на это обратил внимание П. М. Бицилли, который пишет, что святого «узнают лишь с того момента, когда он начинает действовать как святой; однако мы хорошо знаем, что отсутствие материала редко когда рассматривалось агиографами как препятствие: на худой конец, — и это постоянное явление — недостающие сведения восполнялись готовыми шаблонами. Если "предыстория" святого обычно опускалась, то потому, что о ней просто не думали. В связи с этим стоит и другая хорошо известная черта — пренебрежение к хронологии, о чем часто агиографы прямо заявляют» (Бицилли, 1995, с. 159).

Подчеркну главное отличие героя жития от героя Плутарха. У последнего отсутствует главный компонент — подвиг веры, который святой совершает на протяжении всей своей жизни или в какой-то ее определенный отрезок.

Образ нарратора. Агиографическая литература создавалась книжниками, людьми образованными. Жития как обязательный компонент включали знаковую фигуру автора-нарратора, часто — очевидца описываемых событий из жизни святого. Такой тип повествователя традиционно характеризуется как недиегетический нарратор. В «Сравнительных жизнеописаниях» автор-нарратор так же занимает важное место, в том числе в исследуемой биографии, и сомневаться в его образованности нет оснований. У Плутарха, как и в жанре агиографии, это тоже недиегетический нарратор, но нарратор особенный, которого можно обозначить как недиегетического «множественного» нарратора. Появление подобного типа нарратора связано с тем, что Плутарх не просто повествует сам, но и постоянно ссылается на многочисленные свидетельства других авторов: «это я читал в записках Аристоксена» (Плутарх, 1994, с. 117), «как рассказывает Каллисфен» (Плутарх, 1994, с. 134), «об этом рассказывает Эратосфен» (Плутарх, 1994, с. 136), «Харет из Митилены рассказывает» (Плутарх, 1994, с. 151), «так говорит Онесикрит» (Плутарх, 1994, с. 155).

В агиографии автор сознательно находится ниже своего героя и, как отмечает М. М. Бахтин, «автор отказывается от себя, от своей индивидуально ответственной активности» (Бахтин, 1979, с. 161). Поскольку фигура автора жития и святого изначально несопоставимы и максимально разнесены в аксиологической иерархии, автор жития занимает позицию смиренной вненаходимости. Плутарх же в отношении со своим героем находится в позиции «сущностного равенства». Автор остается объективным, изображая не только достоинства, но и слабые стороны Александра, человека, а не святого. При этом он прекрасно осознает и всячески подчеркивает роль, место и историческую значимость царя Александра и Юлия Цезаря в жизни Древней Греции и Древнего Рима.

Ирреальность (чудеса) и наделение героя «святостью». Чудеса, вещие сны, видения и знамения — характерные черты житийного жанра. Каноническая сюжетная схема жития допускала различные допустимые отклонения от нее. Т. В. Попова отмечает, что «иногда житие следовало схеме только в начале, а потом повествовало исключительно о "чудесах", совершаемых "святым" на протяжении всей его жизни» (Попова, 1975, с. 234). Например, во введении «Жития Спиридона Тримифунтского» дано описание рождения, сообщается о родителях героя, его детстве, смирении и непорочности, а «далее автор приступает к рассказам о "чудесах" его, которыми заполняет всю остальную часть жития» (Попова, 1975, с. 234). В биографии Александра Плутарх приводит многочисленные чудеса, видения, вещие сны и предсказания для того, чтобы акцентировать необычность своего героя. Обозначим лишь некоторые ирреальные эпизоды:

— видение Олимпиады (матери Александра Македонского) накануне первой брачной ночи с Филиппом, в котором молния поразила ее в чрево (Плутарх, 1994, с. 116);

– пот, капающий с деревянной статуи Орфея в Либетрах, когда Александр выступил в поход (Плутарх, 1994, с. 124);

– во время осады в Финикии города Тира во сне Александр увидел, как Геракл «протягивает ему со стены руку и зовет его к себе» (Плутарх, 1994, с. 131);

– во время похода в Египет, «когда оказалось, что вежи, расставленные в помощь проводникам, уничтожены и македоняне блуждали без дороги, теряя друг друга, вдруг появились вороны и стали указывать путь. Они быстро летели впереди, когда люди шли за ними следом, и поджидали медливших и отстававших. Самое удивительное, как рассказывает Каллисфен, заключалось в том, что ночью птицы криком призывали сбившихся с пути и каркали до тех пор, пока люди снова не находили дорогу» (Плутарх, 1994, с. 134).

Так или иначе, все эти чудеса Плутарх приводит с единственной целью — показать исключительность, величие и божественное происхождение Александра Македонского.

Наделение героя «святостью». Понятие «святости» — важнейшее для агиографического жанра. Однако это понятие, каноническое для жития, складывается далеко не сразу. П. М. Бицилли очень точно отмечает этот момент: «Кто знаком с житийной литературой Средневековья, знает, какую ничтожную роль в житиях святых — по крайней мере до периода возбуждения исторического понимания под влиянием мистики — играет для агиографов проблема достижения святым святости. Святой или сразу выступает на историческое поприще уже "совсем готовым" святым, или же глухо упоминается о его внезапном "обращении"» (Бицилли, 1995, с. 159). Мы также помним о том, что к религиозному мировоззрению и языческому сознанию древних греков и римлян понятие святости неприменимо, поскольку это сознание изначально политеистично. И только монотеизм, единобожие является порождающей основой святости. Этот момент предельно точно отмечает Е. Н. Никулина: «Источник святости христиан — в святости Христа. Именно Он наделяет святостью членов основанной Им Церкви. В ней для человека открывается возможность *восстановления его поврежденной грехом природы, преобразования ее под действием благодати, обожения*» (Никулина, 2008). Отметим наиболее показательные эпизоды необычности и обожествления личности Александра в его жизнеописании у Плутарха:

– божественное происхождение: со стороны отца Александр ведет свой род от Геракла, со стороны матери — от Зевса (бог в образе змеи спал с Олимпиадой);

– внешность Александра: «Кожа Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание, которое передавалось его одежде, — это я читал в записках Аристоксена» (Плутарх, 1994, с. 117);

– обожествление Александра: египетские жрецы провозгласили Александра фараоном, и в оазисе Сива (Египет) жрец бога Аммона, «обратившись к Александру, сказал ему, что бог Аммон приветствует

его как своего сына» (Плутарх, 1994, с. 134). Ответ оракула Амона таким образом «уравнил» Александра с фараоном, и «Александр использовал для укрепления своей власти этот акт египетских жрецов и приказал именовать себя сыном бога Амона» (История Древней Греции, 1962, с. 390). Французский историк Пьер Левек рассказывает о том, как было преодолено негативное отношение греков к обожествлению Александра: «Александр в гневе расправляется с эллинской оппозицией: казнит Клита, бросает в темницу Каллисфена, племянника Аристотеля. Постепенно оппозиция ослабевает. Афины воздают ему почести как новому Дионису. В 324 году до н. э. греческие полисы посылают в Вавилон феоров (послов, направляемых к богам) для возложения на Александра золотого венца» (Левек, 1989, с. 12).

Обратим внимание на важный заключительный вывод Плутарха из 28 главы жизнеописания Александра: «Из всего сказанного ясно, что Александр сам не верил в свое божественное происхождение и не чванился им, но лишь пользовался этим вымыслом для того, чтобы поработать других» (Плутарх, 1994, с. 135). Плутарх, подчеркивая божественное происхождение и экстраординарность Александра, тем не менее изображает его живым человеком, со всеми его положительными и отрицательными чертами.

Таким образом, сам жанр античной биографии с его культом частной жизни и развлекательно-поучительной функцией послужил питательной почвой для агиографического жанра, откуда он черпал свои, ставшие впоследствии каноническими, признаки и черты.

Список литературы

Аверинцев С. С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. Т. 1. С. 637–653.

Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973.

Аверинцев С. С. Почему Евангелия – не биографии? URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/pochemu-evangelija-ne-biografii/ (дата обращения: 12.11.2018).

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 7–180.

Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.

Живов В. М. Святость : краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.

История Древней Греции. М., 1962.

Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.

Никулина Е. Н. Агиология : курс лекций. М., 2008. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/agiologija/ (дата обращения: 14.11.2018).

Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М., 1975. С. 218–266.

Плутарх. Александр // Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 116–164.

Об авторе

Владимир Владимирович Малащенко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vladmalkbg@yandex. ru

Для цитирования:

Малащенко В.В. Черты агиографического жанра в жизнеописании Александра (Плутарх «Сравнительные жизнеописания») // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 26 – 34. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-2.

THE HAGIOGRAPHIC GENRE OF THE LIFE OF ALEXANDER (PLUTARCH'S COMPARATIVE BIOGRAPHIES)

V. V. Malashchenko¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on October 09, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-2

The article describes the main features of the hagiographic genre in the Life of Alexander from Plutarch's Comparative Biographies. I use the comparative, reverse and structural-semantic methods to analyse the biography of Alexander the Great, the images of the protagonist and the narrator, the unreality and the deification of the protagonist. There is a certain typological convergence between bios as a genre and Plutarch's ancient biographies. This convergence is reflected in the structure of Alexander's biography, which is built according to a certain model, a plot-scheme pattern, and includes Alexander's birth, childhood, upbringing, adolescence, maturity, his victories, lifetime deification and death. The correlation of the two genre forms helps to reveal and explore the biographic image of Plutarch's main character as well as his human fate, the aim of life and the freedom of choice. These aspects are reflected in the hagiographic genre. I analyse the similarities and differences of the narrative strategies employed since the narrative (non-diegetic narrator) in the hagiography genre is clearly related to the non-diegetic "multiple" narrator of Plutarch's biography. I argue that the genre of ancient biography with its topos of private life and its entertaining and instructive functions serves as a nutrient substrate for the formation of the genre of bios.

Keywords: Plutarch, Alexander the Great, biographical genre, biography, hagiography, life, genre.

References

Averintsev, S.S., 1994. Good Plutarch tells about heroes, or happy marriage of a biographical genre and moral philosophy. In: *Plutarkh. Sraonitel'nye zhizneopisaniya: v 2 t.* [Plutarch. Comparative biographies: in 2 tons]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka». pp. 637 – 653 (in Russ.).

Averintsev, S.S., 1973. *Plutarkh i antichnaya biografiya: k voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra* [Plutarch and ancient biography: to the question about the place of the classic of the genre in the history of the genre]. Moscow: «Nauka» (in Russ.).

Averintsev, S.S., n.d. *Pochemu Evangeliya – ne biografii?* [Why are the Gospels not biographies?]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/pochemu-evangeliya-ne-biografii/ [Accessed 12 November 2018] (in Russ.).

Bakhtin, M.M., 1979. Author and hero in aesthetic activity. In: M.M. Bakhtin, ed. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo. pp. 7–180 (in Russ.).

Bitsilli, P.M., 1995. *Elementy srednevekovoi kul'tury* [Elements of medieval culture]. Vol. XXVIII. St. Petersburg: Mifril (in Russ.).

Zhivov, V.M., 1994. *Svyatost': kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Holiness: A short dictionary of hagiographic terms]. Moscow: «Gnozis» (in Russ.).

Avdiev, V.I., Pikus, N.N., eds., 1962. *Istoriya Drevnei Gretsii* [History of ancient Greece]. Moscow: «Vysshaya shkola» (in Russ.).

Levek, P., 1989. *Ellinisticheskii mir* [Hellenistic world]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury (in Russ.).

Nikulina, E.N., 2008. *Agiologiya: kurs lektsii* [Hagiology: a course of lectures]. Moscow: PSTGU. Available at: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/agiologija/ [Accessed 14 November 2018].

Popova, T.V., 1975. *Antichnaya biografiya i vizantiiskaya agiografiya* [Antique biography and Byzantine hagiography]. *Antichnost' i Vizantiya*. Moscow: «Nauka» (in Russ.).

Plutarkh, A., 1994. *Plutarkh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya: v 2 t.* [Plutarch. Comparative biographies: in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka» (in Russ.).

The author

Dr Vladimir V. Malashchenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

To cite this article:

Malashchenko, V.V. 2019, The hagiographic genre of the life of Alexander (Plutarch's *Comparative biographies*), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 26–34. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-2.